УДК / UDC 821.512.37+82-1

Поэма Михаила Хонинова о войне «Колокола Хатыни»: авторский текст и переводческие интерпретации

Римма Михайловна Ханинова[1]

Mikhail Khoninov's War Poem "The Bells of Khatyn": the Author's Text and Interpretations in Translation

Rimma M. Khaninova[1]

[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova(at)bk.ru

Аннотация. В статье впервые рассматривается военная тема в поэме «Хатыня хоңхс» («Колокола Хатыни», 1978) калмыцкого поэта Михаила Хонинова (1919–1981) на основе оригинального текста и его переводов на русский и белорусский языки. Данная поэма до сих пор не была объектом и предметом исследования в предлагаемом ракурсе. Воссоздана творческая история произведения, изучена поэтика оригинального текста и его переводов, проведен сравнительно-сопоставительный анализ авторских интенций и переводческих интерпретаций. Выявлен автобиографический компонент в произведении, связанный с военной биографией поэта, участника партизанского движения в Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1942–1944). Это единственная поэма калмыцкого поэта на белорусскую военную тему, которая была переведена дважды на белорусский язык и опубликована после ухода автора из жизни на страницах белорусского журнала, а затем белорусского сборника, посвященного трагедии деревни Хатыни, жители которой были сожжены фашистами в 1942 г. Другие поэмы поэта на белорусскую военную тему также могут

© КалмНЦ РАН (KalmSC RAS), 2026
© Ханинова Р. М. (Khaninova R. M.), 2026

быть рассмотрены в историко-функциональном освещении, прежде всего на основе оригинального текста, а не только его русского перевода.
Ключевые слова: Великая Отечественная война, калмыцкая поэма, белорусские партизаны, Хатынь, поэтика, автобиографический компонент, историческая память, перевод
Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (№ госрегистрации: 123021300198-4).
Для цитирования: Ханинова Р. М. Поэма Михаила Хонинова о войне «Колокола Хатыни»: авторский текст и переводческие интерпретации // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2026. № 1. С. 157–170. DOI: 10.22162/2587-6503-2026-1-37-157-170

Abstract. This article offers the first examination of the war theme in the poem “Khatynya Khongkhs” (“The Bells of Khatyn”, 1978) by the Kalmyk poet Mikhail Khoninov (1919–1981), analyzing both the original text and its translations into Russian and Belarusian. Until now, this poem has not been studied from this specific perspective. The study reconstructs the work’s creative history, examines the poetics of the original and its translations, and conducts a comparative analysis of the author’s intentions versus the translators’ interpretations. It identifies an autobiographical element linked to the poet’s wartime experiences as a participant in the partisan movement in Belarus during the Great Patriotic War (1942–1944). This is the only poem by a Kalmyk author addressing the theme of the war in Belarus that was translated into Belarusian twice and published posthumously—first in a Belarusian journal and later in a Belarusian anthology dedicated to the tragedy of the village of Khatyn, whose residents were burned alive by the Nazis in 1942. The poet’s other works on the theme of the war in Belarus could also be examined from a historical-functional perspective, focusing primarily on the original text rather than relying solely on Russian translations.
Keywords: The Great Patriotic War, Kalmyk poem, Belarusian partisans, Khatyn, poetics, autobiographical component, historical memory, translation
Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 “Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China”.
For citation: Khaninova R. M. Mikhail Khoninov’s War Poem “The Bells of Khatyn”: the Author’s Text and Interpretations in Translation. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2026. No. 1. Pp. 157–170. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2026-1-37-157-170

Введение

Белорусская тема в произведениях известного калмыцкого писателя Михаила Ванькаевича Хонинова (1919–1981) представлена как в поэзии, так и в прозе. Она связана с биографией автора, участника Великой Отечественной войны, легендарного партизанского командира Миши Черного в одном из отрядов Могилевского партизанского соединения в Беларуси в 1942–1944 гг. Он — почетный гражданин г. Березино Минской области (1975 г.), где одна из улиц названа в его честь, на доме № 29 есть мемориальная доска, установленная 8 февраля 2019 г.

Среди поэм о военной молодости «*Муутлын түрүн нүр*» («Первый бой Мутула», 1964) [Хоньна М. 1964: 79–89], в русском переводе «Бой на Березине» [Хонинов 1966: 73–82], «*Нина Рак — белоруск*» («Нина Рак — белоруска», 1969) [Хоньна М. 1969: 61–98], «*Ольсин эрг деер*» («На берегу Ольсы», 1976) [Хоньна М. 1976: 20–41], в русском переводе «Мой райком» [Хонинов 1977: 171–187], «*Хатыня хоңхс*» («Колокола Хатыни», 1978) [Хоньна М. 1980: 28–37], в русском переводе «Колокола Хатыни» [Хонинов 1979: 127–137]. Первая, третья и четвертая поэмы переведены на русский язык Александром Николаевым. Четвертая поэма, помимо перевода А. М. Николаева, переведена и Р. М. Ханиновой [Хонинов 2015: 58–62], на белорусском языке опубликована в переводе Рагнеда Малаховского и Адама Шостака («Званы Хатыні») [Ханінаў 2017: 96–100; Ханінаў 2023: 25–30].

По словам З. Килгановой, «страницы военной биографии М. Хонинова постоянно дают о себе знать в его поэзии. <…> В поэме „Бой на Березине" Хонинов дает очень точные конкретные зарисовки батальных сцен» [Килганова 1971: 110–11]. В этой же поэме Н. Поляков отметил особую динамичность в изображении боя [Поляков 1973: 48]. Для Юрия Розенблюма в стихах М. Хонинова «отчетливо слышен далекий гул сражений, и его поэзия — это эхо отгремевшей войны, активным участником которой он был» [Розенблюм 1970: 282]. Как подчеркнула Д. Дорджиева, «творчество М. Хонинова при всей проблемной общности с творчеством других калмыцких писателей фронтового поколения имеет свою особенную черту: в ней зазвучала лирически осмысленная тема партизанской борьбы с фашистами» [Дорджиева 1987: 124].

Действительно, среди калмыцких поэтов-фронтовиков — Мордаджи Нармаева, Эльди Кектеева, Давида Кугультинова, Лиджи Инджиева, Басанга Дорджиева, Анджи Тачиева, Андрея Джимбиева — Михаил Хонинов, младший лейтенант, вначале командир стрелкового взвода, воевавший на смоленской земле в июле 1941 г., затем участник партизанского движения в годы Великой Отечественной войны (1942–1944).

Объектом и предметом исследования поэма «*Хатыня хоңхс*» («Колокола Хатыни») не стала, за исключением наших двух статей, в которых на материале русского перевода рассмотрены стихотворение Давида Кугультинова «Хатынь» и поэма Михаила Хонинова «Колокола Хатыни» [Ханинова 2008а; Ханинова 2008б: 102–106], а также особенности русского перевода этой хониновской поэмы [Ханинова 2017: 149–156].

Цель данной статьи — исследовать военную тему в поэме Михаила Хонинова «*Хатыня хоңхс*», творческую историю произведения, поэтику оригинального текста, а также русский и белорусский переводы поэмы. Среди задач — выявление автобиографического компонента в произведении, сравнительно-сопоставительный анализ авторского текста и переводческих интерпретаций.

Материалы и методы

Материалом для изучения стали авторский текст поэмы «*Хатыня хоңхс*» и его переводы на русском и белорусском языках «Колокола Ха-

тыни», «Званы Хатыні», опубликованные в разные годы. Описательный метод позволит исследовать оригинальный текст авторского произведения, его поэтику, сравнительно-сопоставительный подход способствует выяснению переводческих стратегий и интерпретаций при выявлении авторских интенций, передаче национальной идентичности или ее трансформации на иных языках. Учитывая, что некоторые из переводчиков опирались на подстрочник, то проблема «оригинал — подстрочник — перевод» по-прежнему остается актуальной.

Творческая история поэмы «*Хатыня хоңхс*» («Колокола Хатыни»)

Произведение не было опубликовано в республиканской печати, вошло в авторскую книгу «*Төрскнәннь төлә*» («За Родину») [Хоньна М. 1980: 28–37], в русском переводе Александра Николаева — в книгу «Ковыль» [Хонинов 1979: 127–137]. Позже, в 2015 г., появился наш перевод на русском языке [Хонинов 2015: 58–62]. На белорусском языке поэма под названием «Званы Хатыні», переведенная Рагнедом Малаховским и Адамом Шостаком, была напечатана в журнале «Полымя» в майском номере 2017 г. [Ханінаў 2017: 96–100], затем в сборнике «*Званоў перазвон*» («Перезвон колоколов») в 2023 г. [Ханінаў 2023: 25–30]. Белорусский писатель Алесь Карлюкевич в предисловии «*Сэрца кажа, што б'е трывогу…*» («Сердце говорит, что бьет тревогу…») к журнальной публикации поэмы писал, что не все из произведений Михаила Хонинова известно белорусскому читателю. «Жаль, что за столько лет после смерти поэта (умер Миша Черный в 1981 году) так раньше и не была переведена поэма про Хатынь. Не способный „забыть огненного шквала" Михаил Ванькаевич очень дорожил этим своим произведением. Более того, он предполагал выстроить поэтический цикл из трех поэм. В 1975 году поэт в составе писательской делегации побывал во Вьетнаме. Он знал о вьетнамской деревне Сонгми и чешской деревне Лидице, сожженной палачами. И очень хотел, как и о Хатыни, о каждой из них написать поэму…

„Колокола Хатыни" только что появились в переводе на белорусский язык. Эту работу осуществили молодые белорусские переводчики Рагнед Малаховский и Адам Шостак. Рагнед Малаховский и раньше обращался к переводу поэзии М. Хонинова на белорусский язык. Консультантом у молодых литераторов выступила кандидат филологических наук Римма Михайловна Ханинова, дочь калмыцкого поэта. Она готовила подстрочник. Она, между прочим, осуществила и второй перевод поэмы на русский язык. Ранее произведение перевел Александр Николаев. Читателю самому предстоит оценить достоинства поэмы „Колокола Хатыни". Сейчас хотелось бы заметить только то, что самим фактом публикации перевода поэмы „Колокола Хатыни" белорусы отдают дань памяти творцу, партизану, который много сделал для нашего народа, нашего Отечества. И, может, со временем в Минске появится новая белорусская книга Михаила Ванькаевича. Уже с переводами неравнодушных творцов нового поколения…

Новое обращение белорусских переводчиков к творчеству Михаила Ханинова можно смело рассматривать как четкий шаг в развитии белорусско-калмыцких литературных отношений на новом этапе» (пер. с белорус. — *Р. Х.*) [Карлюкевіч 2017: 95].

Кроме того, Алексеем Одинцом был создан второй белорусский перевод (семейный архив М. Хонинова).

Сам Михаил Хонинов, будучи командиром партизанской роты на Минщине и Могилевщине, неоднократно спасал жителей белорусских деревень от гибели и угона в Германию [Трембач 1963; Демидов 1967]. По словам Александра Николаева, «одно его постоянно сокрушало, что он со своими лесными братьями не успел спасти белорусскую деревню, дотла сожженную фашистскими изуверами. Колокола Хатыни напоминали ему об этом. Он поименно знал всех жителей Хатыни, ее стариков и детей, бывал в тех избах, от которых остались только трубы печей, ставшие колокольнями» [Николаев 2002: 3].

22 марта 1943 г. в четырнадцать часов деревня Хатынь Логойского района Минской области Беларуси была уничтожена фашистами и карателями за убийство партизанами немецкого капитана и нескольких карателей, попавших в засаду. Сто сорок девять жителей, включая детей, были заживо сожжены в колхозном сарае или расстреляны, когда пытались бежать. Среди жертв этой трагедии — семьи Иосифа Каминского и Александра Новицкого, названных поименно в поэме калмыцкого автора.

Друживший с белорусскими писателями Михаил Хонинов читал и «Хатынскую повесть», написанную в 1971 г. участником Великой Отечественной войны Алесем Адамовичем (1927–1994).

Поэма М. Хонинова при публикации на калмыцком языке в раме произведения имела место и дату создания — Минск, 1978 җ. (Минск, 1978 г.).

Поэт задумал создать трилогию, посвященную трем сожженным в военные годы поселениям: Хатынь (Советский Союз), Лидице (Чехословакия), Сонгми (Вьетнам). Зимой 1975 г. он побывал во Вьетнаме в творческой командировке, но Сонгми, судя по его воспоминаниям, не видел [Ханинова, Нгуен 2013].

Михаил Хонинов с семьей, женой Ниной и младшим сыном Айтой, был на открытии мемориального комплекса «Хатынь» 5 июля 1969 г., где есть «Кладбище деревень» — мартиролог 185 сожженных вместе с жителями во время фашистской оккупации и не возрожденных после войны белорусских поселений: символические пепелища с названиями деревень.

Белорусский писатель Антон Белевич записал в 1972 г.:

«Хороший поэт и душа-человек приехал из своей далекой Элисты в Хатынь. На „Кладбище деревень” он ищет то село, где жил старый пастух, поделившийся с ним последней горбушкой черствого хлеба, показавший ему дорогу к партизанам. Нет теперь на Могилевщине такого села, нет и того пастуха. Их земля, их прах теперь на „Кладбище деревень”.

— Не могу ходить — ноги подкашиваются, не могу глядеть — боль глаза застилает, — говорит мой давний друг Михаил Хонинов. — Душа

стонет, сердце кровью обливается, как погляжу на эти немые могилы, на этого бронзового человека, на эту „Стену памяти". Все это мертво, немо, но все кричит, болью и гневом входит в душу. Буду об этом писать. Кровью сердца буду писать про дорогую мне Беларусь, про ее партизан, про живых и мертвых…

Твердо верю — напишет. Нужно ему высказать свою боль и гнев свой, этому душевному человеку и поэту из далекой ковыльной степи» [Белевич 1972: 83].

Впечатления военных и послевоенных лет отразились в сюжете поэмы «Колокола Хатыни». Это воспоминания автора о войне, о Хатыни, о мемориальном комплексе на месте бывшей деревни, размышления о мире, об уроках истории, о дружбе народов Советского Союза в огненные годы.

Поэма написана катренами, трехстопным хореем. В традициях калмыцкого стихосложения использована анафора, в основном парная, конечная рифма строго не соблюдена, система рифмовки приближена к перекрестной.

Поэтика поэмы «Колокола Хатыни»

Заглавие произведения может быть прочитано в двух планах: 1) фактическом, реальном — колокола на месте печных труб, где прежде находились 26 домов жителей деревни, 2) метафорическом.

Калмыцкая лексема *хоңх* имеет несколько значений: 1) звонок, 2) колокол; колокольчик [КРС 1977: 596].

Текст состоит из 68 катренов с 272 строками, лексема *хоңх* с ее производными встречается шесть раз, название деревни — двенадцать раз. Название деревни образовано от белорусского слова *хата*, означающего 'дом, изба' [Купрысь, Яндальцаў 2016: 255].

Белорусская топография в поэме представлена также обозначением республики (Беларусь), ее столицы (Минск), гидронимов (Неман, Березина), памятных монументов (Мөңкрлтин Толһа = Курган Славы).

Персонажный ряд в поэме определен прежде всего двумя семьями из деревни — Иосиф Каминский и его сын Адам, Александр Новицкий и его дети Леня, Женя, Аня, Маня, Антосик, Костюшка, Михасик.

В противоположном ряду — Оскар Дирлевангер, немецкий офицер, принявший участие в карательной операции, остальные каратели даны безличной массой.

Пространство в тексте локализуется белорусским ареалом, время — настоящее, прошлое, настоящее — объединяет мотив исторической и личной памяти., автобиографический ракурс поэта-повествователя.

Повествование ведется от первого лица («я»), за которым автор. Автобиографический компонент введен в поэму воспоминаниями о знакомстве и дружбе партизанского командира с жителями белорусской деревни, особенно с семьей Новицкого, с его маленьким сыном Михасиком.

Панорамность пространства с первых строк введена упоминанием о том, что Беларусь посещают люди из разных стран: «*Альс-бис нутгас /*

әмтн Белоруссюр ирнә» [Хоньна М. 1980: 28]. Затем пространство локализуется до республики: «*Эн нутг эндр / орчлңгин әмтнд эңкр*» («Этот край сегодня дорог всем людям мира»)[1] [Хоньна М. 1980: 28]. Конкретизация пространства продолжается указанием на Минское направление, на Курган Славы: «*Минскин өөр бәәсн / Мөңкрлтин Толһа деерәс*» [Хоньна М. 1980: 29], *наконец, на конечный маршрут: «Минскин Мөңкрлтин Толһа / манач мет зогсна. / Хатынюр һар суңһад, / хәләсн ахнь болна*» («Минский Курган Славы словно часовой стоит. В сторону Хатыни, протянув руки, точно старший брат приглядывает») [Хоньна М. 1980: 29].

Прием олицетворения обусловлен описанием памятника: на кургане штыковая кольцевая композиция, знаменующая количество фронтов, принимавших участие в освобождении Беларуси. Хатынь находилась в 45 километрах от Минска.

Автобиографический компонент в тексте сразу заявлен: «*Халун сумнла харһад, / хама, кень унсинь / меднәв. Теегәсн ирәд, / махлаһан авч гекнәв*» («Попав под горячую пулю, кто и где упал знаю. Приехав из степей, сняв шапку, кланяюсь») [Хоньна М. 1980: 28–29]. Это автор-повествователь вспоминает своих боевых товарищей, павших в годы войны.

Переходя к описанию трагедии, поэт подчеркнул, что деревня была сожжена вместе с ее жителями. Явившись сюда, он, склонив голову, печалится: здесь сто сорок девять сердец заживо сгорели: «*Ода нааран ирснь / өкәлдң харм төрнә. / Зун дөчн йисн / зүркн заль падрна*» [Хоньна М. 1980: 29].

Характеризуя немецкого офицера войск СС, принимавшего участие в карательной операции, оберфюрера Оскара Дирлевангера, причастного к уничтожению ряда белорусских деревень, к акциям против партизан и местного населения, автор назвал его «*әмд бирмн*» («живая сатана») [Хоньна М. 1980: 29]. *Бирмн* по-калмыцки в первом значении — «злой дух, черт, сатана» [КРС 1977: 100].

Как будто для паровозной топки фашист приказал притащить много сена, обложив стены и двери сарая, в который заперли жителей деревни, взрослых и детей, чтобы сделать из них живой костер: «*Әмтәр түүмр кехәр / әмд бирмн Дирлевангер, / бүтү хаша олв, / белорусмудыг көөң орулв. <…> Дирлевангер паровозин бешт / һал түлхәр бәәхшң, / дала боодг зөөһәд, / һаза, үүднд овалв*» [Хоньна М. 1980: 29–30].

Внимая детскому плачу и крику, шумели деревья, выли, бегая вокруг, собаки: «*Уульсн бичкдүдин шууганд / урһа модд шуукрна. / Бүүрән эргң гүүлдәд, / баргуд уульн хуцлдна*» [Хоньна М. 1980: 30].

Спустя десятилетия, вновь сопереживая трагедии, автор видит в сновидении, как он мечется со всеми в том сарае, словно с теми людьми сгорает: «*Би Хатыня хашад / бас зүүндән тенүв. / Негл тер улста / ноолдн йовң шатув*» [Хоньна М. 1980: 30].

Впечатления поэта от увиденного на открытии мемориального комплекса в Хатыни повлияли на сюжет сновидения: в его сне Каминский-

[1] Здесь и далее смысловой перевод автора статьи.

отец бежит, держа на руках сына Адама, горящего как факел. «*Зүүндм орсн Каминский / зулад Адамтаһан аашна. / Адамнь һартнь шатсн / әмд зальшң дәрвкнә*» [Хоньна М. 1980: 30]. Это скульптурная композиция, передающая горе отца: он выжил, а сын погиб. Так, экфрасис способствует синтезу документального и художественного в произведении, соединяя 1969 г., время открытия мемориала, и 1978 г., время создания поэмы.

Спустя несколько десятилетий автор горюет, что не имел возможности тогда предотвратить трагедию: находился со своим партизанским отрядом далеко от тех мест. Он вспоминает, как наведывался в деревню, гостил в семье Новицких. Теперь на местах прежних домов — только бетонная плита, словно печи серые колокола стоят: «*Герин бүүртнь шоваһад, / һанц бетон һасн, / бешин хол болад, / бор хоңхта зогсна*» [Хоньна М. 1980: 32]. А под колоколом на камне чернеют имена, они точно кричат, плачут: «*Хоңхин дор, чолунд, / харлҗ нернь үзгднә. / Эдн нанур хәәкрәд, / экрәд уульлдсн болна*» [Хоньна М. 1980: 32]. По признанию поэта, из его много горя видевших глаз полились горькие слезы при чтении этих имен: он знал этих детей Новицких. И кажется ему, что он слышит, как зовет его маленький Михасик, которого он называл белорусский Ленок за его волосы цвета льна. «*Мини Ленок болхий? / Мел таньдг дун. / Һалд шатлго үлдсний? — / гисн санан орв*» («Мой Ленок? Очень знакомый голос. Уцелел от огня? — появилась мысль») [Хоньна М. 1980: 34]. Подробно описав карательную операцию, автор заверяет, что убитых, сожженных людей никогда не забудут, мать-земля знает о горьком возмездии.

Степняку ряд труб бетонных печей напоминает верблюдов в пути: «*Бешин утана хол / бор бетонд төрҗ. / Хажуһас эдн мел / хаалһин темәдшң зогсҗ*» [Хоньна М. 1980: 36]. Колокола периодически звонят, и кажется, что это по-прежнему плачут в огне люди. «*Серглң дуута хоңхс / салькнд хәңкнәд одна. / Негл шачах әмтн / ниргәд уульҗасн болна*» [Хоньна М. 1980: 37]. И вновь калмыцкий поэт представляет, что это потерявшая верблюжонка верблюдица плачет: «*Ботхан геесн иңгншң / бууляд, ууляд бәәнә*» [Хоньна М. 1980: 37]. Эти калмыцкие ассоциации, возникающие у поэта на белорусской земле, манифестируют культурные коды, связанные с бытом, кочевничеством, верованиями предков.

В то же время в звоне колоколов автору слышится и название несуществующей уже деревни: «*Хатынь… Хатынь…» гиһәд, / хоңх энрәд бәәнә*» [Хоньна М. 1980: 37]. Сама природа сопереживает людям, ветер: «*Санань зовсн мет / салькн хажуднь саналдна…*» («Словно переживая, рядом задумался ветер…») [Хоньна М. 1980: 37].

Белорусские деревья, словно молодые вдовы, все время глубоко вздыхают: «*Белоруссин модн белвсн / бершң оньдин шуукрна*» [Хоньна М. 1980: 37]. Образ деревьев-вдов — код славянской культуры. Универсальный образ мирового древа, древа жизни здесь соединяется с образом женщин, шум листвы — с переживаниями людей.

«„Хатынь… Хатынь…” гисн / хоңхст амр уга» («„Хатынь… Хатынь…” — нет покоя колоколам») [Хоньна М. 1980: 37], — так завершается поэма.

В русском и белорусском переводах поэма завершена по-разному.

В переводе А. М. Николаева: «И когда пишу, / Пущусь в дорогу, / Сплю когда / Или когда проснусь, / Сердце говорит мне: / — Бьет тревогу / В колокол Хатыни / Беларусь!» [Хонинов 1979: 137].

В белорусском переводе: «*Ці пішу, ці рушу я ў дарогу, / Сплю калі, альбо калі прачнуся, / Сэрца кажа мне, што б'е трывогу / У званы Хатыні Беларусь!*» («Когда пишу, когда я соберусь в дорогу, / Когда я сплю или когда проснусь, / Сердце говорит мне, что бьет тревогу / В колокола Хатыни Беларусь!») [Ханінаў 2017: 100; Ханінаў 2023: 30].

В переводе Р. М. Ханиновой: «Я молча стою. Ведь Хатынь не одна — / Здесь кладбище памяти сел навсегда. / Деревья вздыхают, как вдовы, вокруг, / И звон продолжается — памяти круг…» [Хонинов 2015: 62].

Если у автора поэма заканчивалась олицетворением колоколов, которым нет покоя: они взывают к живым, напоминая об уроках истории, то у русского и белорусских переводчиков эта мысль передана через авторскую интенцию, причем белорусские переводчики повторили ее вслед за первым переводчиком. В переводе Р. М. Ханиновой подчеркнута общая трагедия белорусских сел и деревень: мемориальный комплекс объединил память о 628 сожженных поселениях. Образ круга памяти манифестирует целостность и непрерывность. Общим остается акустический фон текста и концовки произведения, соединяя заглавие и содержание.

Авторский текст поэмы и русский перевод А. М. Николаева

Московский поэт Александр Маркович Николаев (1925–1999), друг и переводчик Михаила Хонинова с начала 1960-х гг., познакомился с ним во время совещания молодых писателей в Элисте.

«Как поэт он быстро рос, прогрессировал, — вспоминал Александр Маркович в 1993 г. — У него был богатейший жизненный материал. Он о многом хотел и мог рассказать читателям.

Его творческий рост был виден от стиха к стиху, от поэмы к поэме, от книги к книге.

Еще тем мне был интересен этот поэт, что оба мы воевали на белорусской земле. Я шел с нашей Армией, а он навстречу нам с партизанами, которых немцы называли лесными бандитами.

У нас — у поэта и переводчика — были общие взгляды на жизнь, на мир, на войну, на ставшую нам родной Белоруссию» [Николаев 2002: 3].

В работе над «Колоколами Хатыни» для Николаева-переводчика строгое следование за оригиналом, как выясняется, было совсем не обязательно. Он по-своему перестроил и начало калмыцкой поэмы о войне.

Если для автора важно было подчеркнуть, что в Белоруссию люди приезжают из разных стран, что здесь каждый четвертый погиб во время войны, то переводчик, уточнив, что приезжают братья и друзья, не упомянул конкретно о каждой четвертой жертве.

В оригинале: «*Аль-бис нутгас / әмтн Белоруссюр ирнә. / Дөрвн күүнәс негнь / дәәнә көлд үклә*» [Хоньна М. 1980: 28].

В переводе: «В Беларусь / Все больше с каждым годом / Приезжает братьев и друзей. / Вся она в честь подвигов народа — / Памятник, / И вся она — музей» [Хонинов 1979: 127].

Автор использовал калмыцкое метафорическое выражение «*дәәнә көлд үклә*», что означает каждый четвертый буквально «под ногами войны умер».

Надо заметить, что эти и другие национальные детали, сравнения не были приняты во внимание переводчиком, в результате чего произведение в русском варианте, на наш взгляд, во многом лишилось калмыцкого колорита, национальной идентичности.

По этому пути вслед за русским переводчиком пошли и белорусские переводчики, несмотря на предоставленный нами подстрочник.

Другой белорусский переводчик А. Одинец постарался учесть в своей работе подстрочник произведения, подготовленный нами, сохранив ментальный компонент.

Поэтому остановимся на тех моментах николаевского русского перевода, которые не передали национального колорита поэмы.

Так, например, калмыцкий поэт показал в одном из эпизодов общность гостеприимства, обозначив калмыцкий обычай.

В оригинале: «*Хотндан оддг кевәр / Хатыньд ирдг билəв. / Хальмг улсин авъясар / хотаснь хамдан идлəв*» [Хоньна М. 1980: 31].

В подстрочнике: «Когда заходили в деревни, / я бывал и в Хатыни. / По калмыцкому обычаю / вместе ел пищу».

В переводе нейтральное упоминание: «Я не раз бывал в домах Хатыни» [Хонинов 1979: 130].

В описании мемориального комплекса, где двадцать шесть сожженных дворов Хатыни олицетворяют двадцать шесть печных труб на их месте, калмыцкий поэт сравнил эти трубы с верблюжьим караваном.

В оригинале: «*Бешин утана хол / бор бетонд төрж. / Хажуһас эдн мел / хаалһин темәдшң зогсж*» [Хоньна М. 1980: 36].

В подстрочнике: «Печные трубы / возродились в сером бетоне. / Со стороны они, / словно остановившиеся верблюды».

В переводе: «Вдоль Хатыни выстроились строем / Трубы» [Хонинов 1979: 136].

Это необычное для белорусской темы сравнение, с одной стороны, передает знакомые автору реалии кочевой жизни степняков, с другой — печные трубы напоминают верблюжьи горбы растянувшегося в пути каравана. У переводчика сравнение с военным строем, на наш взгляд, семантически не совпадает с контекстом. Образ верблюжьего каравана в поэме символизировал движение жизни, переход к новому кочевью, остановка животных сигнализировала или об отдыхе, или об опасности.

Сверху труб-обелисков в мемориале «Хатынь» установлены колокола, звонящие одновременно каждые тридцать секунд.

В поэме автор сравнил этот печальный звон с плачем верблюдицы, потерявшей своего верблюжонка: ««*Хоңхин яарсн дун / хуухин үс босхна. / Ботхан геесн иңгншң / бууляд, ууляд бәәнә*» [Хоньна М. 1980: 36].

В подстрочнике: «Колокольная песня-стон, / словно опаленные волосы поднимает, / Словно верблюдица, потерявшая верблюжонка, / зовет и плачет».

В переводе осталось обобщение о колокольном звоне: «И гудит, / И стонет он, / И плачет» [Хонинов 1979: 136].

В детстве будущему поэту, сыну чабана, приходилось пасти чужих животных — телят, ягнят, верблюжат, подростком он работал в колхозе с лошадьми и верблюдами, поэтому эта жизнь ему была хорошо известна. В одном из стихотворений о партизанской жизни «Баллада о жалости» (перевод А. М. Николаева) М. Хонинов также вспомнил эпизод из детства с участием верблюдицы и верблюжонка.

Другое сравнение в конце поэмы поэт дал уже в славянской традиции.

В оригинале: «*Белоруссин модн белвсн / бершң оньдин шуукрна*» [Хоньна М. 1980: 37].

В подстрочнике: «Белорусские деревья, / точно вдовы, все время вздыхают».

В переводе этого сравнения нет.

Хотя автор не назвал конкретные породы деревьев (береза, лиственница, сосна и т. п.), типичные для белорусского пейзажа, фольклорный контекст очевиден.

Поэма заканчивалась рефреном о мемориальных колоколах: «*„Хатынь... Хатынь...” гисн / хоңхст амр уга*» [Хоньна М. 1980: 37].

В подстрочнике: «„Хатынь... Хатынь...” — / колоколам нет покоя».

В переводе: «И когда пишу, / Пущусь в дорогу, / Сплю когда / Или когда проснусь, / Сердце говорит мне: / — Бьет тревогу / В колокол / Хатыни / Беларусь!» [Хонинов 1979: 137].

Другие особенности русского перевода связаны с некоторыми деталями, которых нет в оригинале или заменены.

Например, А. М. Николаев прямо обратился к Прометею, древнегреческому богу, подарившему людям огонь, теперь ставший гибельным для них: «Прометей! / Быть может, ты повинен, / Что огонь в соломе начал бег? / Для людей спасенный, / Он в Хатыни / Съел сто сорок девять человек» [Хонинов 1979: 135].

В оригинале: «*Әмтнд тус күргдг / әрүн һал әврлв. / Агчмин дунд цугтаг / әгрәһәд үмс кев*» [Хоньна М. 1980: 36].

В подстрочнике: «Приносящий пользу людям, / священный огонь стал страшным. / В кленовых стенах всех, / выгорев, превратил в золу».

Или в другом эпизоде поэмы дети думают, что немецкий офицер вынет из кармана пряник. В оригинале: «*Хавтхан Дирлевангериг уудлхла, / хәәкрлджәсн бичкдүд тотхлдв. / Балта һарһвза гиһәд, / бәәдлнь, тедн өңгәлдв*» [Хоньна М. 1980: 35–36].

В подстрочнике: «Когда Дирлевангер приоткрыл карман, / плакавшие дети затихли. / Может, пряник вынимает, / подумали они с надеждой».

В переводе: «Дирлевангер лез в карман шинели. / Плакать перестали наконец / Дети / И с наивностью глядели: / Может быть, достанет леденец?» [Хонинов 1979: 135].

Автобиографический мотив введен переводчиком в поэму с помощью указания на 1 180 дней войны для младшего лейтенанта М. Хонинова.

Несомненно, что в целом русский перевод Александра Николаева продемонстрировал высокий профессиональный уровень поэта, его сопричастность белорусской теме.

Мы же обратились к некоторым переводческим стратегиям московского писателя, чтобы показать на примере поэмы калмыцкого автора, как подчас микшируется национальная парадигма произведения, когда она по разным причинам не принимается переводчиком во внимание при работе над текстом.

Заключение

Среди поэм калмыцкого поэта, фронтовика и партизана Михаила Хонинова о Великой Отечественной войне «*Хатыня хоңхс*» («Колокола Хатыни») занимает особое место. Это поэма, переведенная на белорусский язык Р. Малаховским и А. Шостаком, опубликованная в Минске на страницах журнала «Полымя» (2017) и сборника «Званоў перазвон» (2023), посвященного трагедии деревни Хатынь. Есть и второй белорусский перевод А. Одинца в семейном архиве поэта, ранее размещенный на сайте «Созвучие». Поэма имеет также два русских перевода. Первый перевод осуществил давний друг, поэт, участник Великой Отечественной войны Александр Николаев, второй — поэт-переводчик Римма Ханинова.

Впервые рассмотрен оригинальный текст поэмы, воссоздана творческая история произведения, введен в научный оборот белорусский перевод поэмы, выявлен автобиографический компонент, связанный с военным периодом жизни поэта, нашедший отражение на страницах произведения, проведен сравнительно-сопоставительный анализ авторского текста и его переводов.

В перспективе предстоит исследовать другие поэмы поэта о Великой Отечественной войне, в том числе и на белорусскую тему. Среди них поэма «*Ольсин эрг деер*» («На берегу Ольсы», 1976) [Хоньна М. 1976: 20–41], в русском переводе А. Николаева под названием «Мой райком» [Хонинов 1977: 171–187]. Эта поэма переведена на белорусский язык поэтом-фронтовиком Алексеем Васильевичем Пысиным (1920–1981) и опубликована под разными названиями: «Мой райком» [Ханінаў 1975в: 4] и «Над Ольсай-ракой» [Ханінаў 1975г: 4]. Кроме того, А. Пысиным осуществлен белорусский перевод хониновской поэмы «*Муутлын түргүн нүр*» («Первый бой Мутула», 1964) [Хоньна М. 1964: 79–89] под названием «*Кулямётчык Мутул*» («Пулеметчик Мутул»). Она была опубликована в белорусских газетах [Ханінаў 1975а: 3; Ханінаў 1975б: 14], а также вошла в книгу избранной лирики калмыцкого поэта [Ханінаў 1977: 74–78].

Изучение в историко-функциональном освещении поэм калмыцких поэтов-фронтовиков о Великой Отечественной войне по-прежнему остается актуальным направлением в современном литературоведении [Ханинова 2026а: 48–58; Ханинова 2026б: 102–106].

Источники

Ханінаў 2017 — *Ханінаў М*. Званы Хатыні (= Колокола Хатыни): паэма / Пераклад Р. Малахоўскага і А. Шостака // Полымя (= Пламя). 2017. № 5. С. 96–100.

Ханінаў 2023 — *Ханінаў М.* Званы Хатыні (= Колокола Хатыни): паэма / Пераклад Р. Малахоўскага і А. Шостака // Званоў перазвон: зб. паэт., празаіч. і публіцыст. тв. (= Перезвон колоколов: сб. поэтических, прозаических и публицистических произведений) / уклад. Рагнед Малахоўскі; прадм. Леоніда Крываноса. Мінск: Звязда, 2023. С. 25–30.

Ханінаў 1975а — *Ханінаў М.* Кулямётчык Мутул // Магілёўская праўда. 1975. 11 студзеня. С. 3.

Ханінаў 1975б — *Ханінаў М.* Кулямётчык Мутул // Літаратура і мастацтва. 1975. 28 сакавіка. С. 14.

Ханінаў 1977 — *Ханінаў М.* Кулямётчык Мутул // Ханінаў М. Жураўлі над стэпам: вершы. Мн.: Маст. літ., 1975. С. 74–78.

Ханінаў 1975в — *Ханінаў М.* Мой райком // Літаратура і мастацтва. 1975. 7 лістапада. С. 4.

Ханінаў 1975г — *Ханінаў М*. Над Ольсай-ракой // Магілёўская праўда. 1975. 22 лістапада. С. 4.

Хонинов 1966 — *Хонинов М.* Бой на Березине: поэма // *Хонинов М. В.* Гимн человеку: стихи и поэмы / пер. с калм. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. С. 73–82.

Хонинов 1979 — *Хонинов М.* Колокола Хатыни: поэма / пер. А. Николаева // *Хонинов М. В.* Ковыль: стихи и поэмы / пер. с калм. М.: Сов. писатель, 1979. С. 127–137.

Хонинов 2015 — *Хонинов М.* Колокола Хатыни: поэма / пер. Р. Ханиновой // *Хонинов М. В., Ханинова Р. М.* Материнский хлеб: хрестоматия по калмыцкой литературе для детей и юношества. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. С. 58–62.

Хонинов 1977 — *Хонинов М*. Мой райком: поэма // *Хонинов М. В.* Подкова: стихи и поэмы / пер. с калм. М.: Современник, 1977. С. 171–187.

Хоньна М. 1964 — *Хоньна М.* Муутлын түрүн нүр (= Первый бой Мутула) // *Хоньна М.* Мини домбр күңкнхлә: шүлгүд болн поэмс (= *Хонинов М.* Когда звенит моя домбра: стихи и поэмы). Элст: Хальмг дегтр haphач, 1964. Х. 79–89.

Хоньна М. 1969 — *Хоньна М.* Нина Рак — белоруск (= Нина Рак — белоруска) // *Хоньна М.* Мини теегин хавр: шүлгүд болн поэмс (= *Хонинов М.* Весна моей степи: стихи и поэмы). Элст: Хальмг дегтр haphач, 1969. Х. 61–98.

Хоньна М. 1976 — *Хоньна М.* Ольсин эрг деер: поэм (= На берегу Ольсы: поэма) // *Хоньна М.* Шүлг мини, делгр: шүлгүд болн поэмс (= *Хонинов М.* Стихи мои, разворачивайтесь: стихи и поэмы). Элст: Хальмг дегтр haphач, 1976. Х. 20–41.

Хоньна М. 1980 — *Хоньна М.* Хатыня хоңхс (= Колокола Хатыни) // *Хоньна М.* Төрскнәннь төлә: шүлгүд болн поэмс (= За Родину: стихи и поэмы). Элст: Хальмг дегтр haphач, 1967. Х. 28–37.

Литература

Белевич 1972 — *Белевич А. П*. Хатынь: боль и гнев / пер. с белорус. В. Жиженко. Минск: Беларусь, 1972. 95 с.

Демидов 1967 — *Демидов А. С.* В атаку поднимался первым: док. повесть. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1967. 135 с.

Дорджиева 1987 — *Дорджиева Д.* «Перед светлой памятью в долгу…» // Творческая индивидуальность писателя и развитие калмыцкой советской литературы. Элиста, 1987. С. 117–129.

КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.

Карлюкевіч 2017 — *Карлюкевіч А*. Сэрца кажа, што б'е трывогу… (= Сердце говорит, что бьет тревогу…») // Полымя (= Пламя). 2017. № 5. С. 94–95.

Килганова 1971 — *Килганова З.* В атаку поднимался первым (О поэзии Михаила Хонинова) // *Килганова З. И.* Поэты и время. Статьи о калмыцкой поэзии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. С. 104–113.

Купрысь, Яндальцаў 2016 — *Купрысь П. Д., Яндальцаў Д. М*. Вялікі беларуска-рускі слоўнік (= *Купрись П. Д., Яндальцев Д. М.* Большой белорусско-русский словарь). Мінск: Харвест, 2016. 576 с.

Николаев 2002 — *Николаев А*. Поэт и воин // Хальмг үнн (= Калмыцкая правда). 2002. Үкр сарин 19 (23 ноября). Х. 3.

Поляков 1973 — *Поляков Н.* Михаил Хонинов // *Поляков Н. Н.* Герои войны — герои литературы (Писатели-фронтовики Калмыкии о Великой Отечественной войне). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1973. С. 44–53.

Розенблюм 1970 — *Розенблюм Ю. Б.* Сквозь пламя костров: Прошлое и настоящее калмыцкой литературы. Элиста: Калмиздат, 1970. 340 с.

Трембач 1963 — *Трембач И.* В лесах Белоруссии // *Трембач И. С.* Дорогой подвигов: очерки. Элиста: Калмгосиздат, 1963. С. 151–166.

Ханинова 2008а — *Ханинова Р. М*. Давид Кугультинов и Михаил Хонинов: диалог поэтов. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008. 185 с.

Ханинова 2008б — *Ханинова Р. М.* Хатынь как память сердца (по произведениям Д. Кугультинова и М. Хонинова: «Хатынь» и «Колокола Хатыни») // Теегин герл (= Свет в степи). 2008. № 3. С. 102–106.

Ханинова 2017 — *Ханинова Р. М*. О русском переводе поэмы Михаила Хонинова «Колокола Хатыни» // Русская речь в инонациональном окружении. Вып. Х. Элиста: ЗАОр НПП «Джангар», 2017. С. 149–156.

Ханинова 2026а — *Ханинова Р. М.* Поэтика вещи в поэме Х. Сян-Белгина о Великой Отечественной войне // Вопросы национальных литератур. 2026. № 2 (22). С. 48–58. DOI: 0.25587/2782-6635-2026-2-48-58

Ханинова 2026б — Х*анинова Р. М*. Поэтика вещи в поэме Эльди Кектеева о войне «Токуг» // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2026. Т. 23. № 3. С. 221–229.

Ханинова, Нгуен 2013 — *Ханинова Р. М., Нгуен Д. Т.* Вьетнам в творчестве Михаила Хонинова // Сборник трудов молодых ученых, аспирантов и студентов Калмыцкого государственного университета. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2013. С. 115–117.